

НАДЕЖДА МОРОЗОВА

Институт литовского языка (Вильнюс, Литва)

Экспедиционная чекмониана

Экспедиционная чекмониана — отдельная тема для анализа методики организации экспедиционной работы и опыта полевых исследований, а также воспоминаний участников этих проектов. В.Н. Чекмонас за свою жизнь прошел пешком и в редких случаях проехал на попутках всю Беларусь, проехал на велосипеде многие районы Литвы, особенно белорусско-литовское пограничье, в 1990-е гг. сначала с Яном Иваром Бьёрнфлатеном, а потом с коллегами по кафедре Славянской филологии Вильнюсского университета объездил всю Псковщину, и, наконец, вторично, уже на рубеже XX–XXI вв., — ставшую родной Литву.

Иногда у меня складывалось впечатление, что последние 15 лет В. Ч. жил от экспедиции до экспедиции: задолго до начала “сезона” тщательно обдумывал план поездки, разрабатывал маршрут, готовил технику, начиная с автомобиля и кончая газовой плиткой, не говоря уже о маг-

Илл. 1. В экспедицию в Псковскую область. Слева направо: Ян Ивар Бьёрнфлатен и Валерий Чекмонас. 27 июня 1992 г. Фото из архива Я. И. Бьёрнфлатена

нитофонах, батарейках, микрофонах и пленках/кассетах для записей, подбирал команду... А приезжая в намеченный населенный пункт, В.Ч. буквально преображался: интуитивно безошибочно выбирал дом, в который следует зайти, у него оказывались самые лучшие информаторы, он выведывал самые интересные сведения и т. д. Конечно, за этой легкостью стоял колоссальный опыт, а главное, искренняя заинтересованность в работе и любовь к людям.

Илл. 2. Рабочие моменты: беседа с информаторами в Псковской области. Начало 1990-х гг. Фото Я. И. Бьёрнфлатена

В деревне он был своим — обходил стороной бабу с пустыми ведрами, избегал черной кошки и под., но неизменно оставался собой — всегда по-офицерски подтянутым, при галстук и в пиджаке. После записи интервью с информаторами В. Ч. тут же обсуждал услышанное и увиденное с коллегами или студентами. Это было похоже на краткий интенсивный практический курс по диалектологии и социолингвистике, когда книжные (и/или лекционные) знания приобретали плоть и кровь, а тонкости диалектного произношения показывались в прямом смысле на пальцах. В экспедициях было одно жесткое правило — каждое утро перед уходом на работу В.Ч. устраивал пресс-конференции по результатам прошлого дня с обязательной записью на магнитофон. Он никогда не жалел времени на эти обсуждения — они могли длиться больше часа, зато потом этот аудио-дневник становился ценнейшим путеводителем по экспедиционным материалам, а высказанные во время обсуждений мысли часто оказывались предметом дальнейших серьезных научных разработок. В свободное время В.Ч. с удовольствием устраивал всевозможные розыгрыши или сам включался в игру.

Один из таких розыгрышей В.Ч. описал в статье памяти своего коллеги по Институту языкознания в Минске В.Л. Веренича:

В.Л. (Вячеслав Леонтьевич Веренич, речь идет об экспедиции летом 1979 г. в Литву. — Н.М.) тогда впервые увлекся эпиграфикой надгробных памятников, благо в дд. Упнинках и Кулве (Йонавского р-на) оказались старые кладбища, старшие захоронения на которых — *с надписями только на польском языке* — датировались серединой прошлого века. Кладбище в Кулве было заросшим и запущенным. В.Л. уходил туда сразу после завтрака, буквально нырял в кусты, и не покидал своего «рабочего места» почти до сумерек, до тех пор, пока еще можно было читать и переписывать надписи.

Однажды вечером К.М. (Гюлумянц. — Н.М.) рассказала, что в деревне ее уже спрашивали, *co to tam ten pan robi w tych xrustach?* (kzszakach). Это всех несколько развеселило, и я тут же начал придумывать дурашливые ответы, типа того, что на кладбищах, мол, информаторы спокойнее и под. Потом, — дернуло же меня за язык, — стал развивать идею о том, что, вообще-то, В.Л. является основателем особого раздела ономастики, который можно назвать *загробной*. Не замечая изменившегося лица В.Л., я заговорил о возможностях этой науки и прочую чушь. <...> Более двадцати лет я не прикасался к магнитофонным записям, сделанным в Упнинкай и Кулве, боясь оживить в себе чувство нашкочившего мальчишки, которое меня преследовало в те дни.

Осенью того же 1979 года я начал работать в Вильнюсском университете. После переезда семьи в Вильнюс мы виделись с В. Л. еще много раз — и у нас дома, и на конференциях в Польше, и, кажется, в Минске. Внешне наши отношения стали даже более дружественными, чем ранее, но внутренне между нами легла какая-то полоска отчуждения, которую я уже никогда не сумел преодолеть. <...> И я часто думаю — как легко ранить словом близкого и уважаемого человека, и какой глубокой, а иногда и неизлечимой может быть эта рана [см.: Чекмонас В., Польский язык в Йонавском районе Литвы (социолингвистические заметки), in *Studia nad polszczyzną kresową*, t. X, Warszawa, 2001, 73].

Эту историю знали, видимо, все, кто когда-либо ездил с В.Ч. в диалектологические экспедиции. Но по иронии судьбы “загробной диалектологией” пришлось заниматься и ему самому во время экспедиций по изучению языка и фольклора старообрядцев Литвы. Деревенские кладбища, особенно старые и заброшенные, стали обязательным пунктом программы исследования, поскольку немые надгробия зачастую могли рассказать значительно больше об истории данного поселения, чем самый разговорчивый информатор. Чтобы как-то прочесть имена и даты рождения и/или смерти захороненных на старинных сельских погостах людей, приходилось не только пробираться через заросли травы, чистить мох с надгробных камней, но и заниматься мини-археологией, откапывая ушедшие в землю фрагменты и так немногочисленных на

Илл. 4. Экспедиция по исследованию истории и культуры староверов Литвы. Обсуждение результатов. Слева направо: Юрий Новиков, Надежда Морозова, Валерий Чекмонас. Лето 1997 г. Фото А. Петрашюнаса

старообрядческих кладбищах записей. Саму же запись нередко приходилось читать “руками” наощупь, поскольку мела, которым можно прорисовать записи на памятниках, у нас, как правило, с собой не было. Вот уж, как говорится, не плюй в колодец... Цели осмотра кладбищ у нас были другие, но методы работы очень похожи на те, которые использовал В.Л. Веренич в 1979 г.

Постепенно в экспедициях складывался экспедиционный фольклор и особый экспедиционный жаргон, который передавался “по наследству” другим участникам экспедиций: *густой говор, дежурный информатор, дежурный осведомитель, колхозная бабка, загробная диалектология, гробокopatели* и мн. др. Вечерами В.Ч. рассказывал о своих многочисленных экспедиционных “похождениях”, напр., в Осетию или Одесскую область к албанцам. Сейчас я жалею, что тогда никто из нас не догадался включить магнитофон и записать его рассказы — это тоже уже стало частью истории нескольких поколений: как людей, которые уже ушли, так и страны, которой давно уже нет на карте.

Теперь, когда я просматриваю немногочисленные сохранившиеся экспедиционные фотографии, листаю экспедиционные дневники и прослушиваю записи экспедиционных пресс-конференций, в памяти встает светлый образ заинтересованного и увлеченного своей работой человека, щедро делившегося своими идеями с коллегами. В.Ч. быстро и глубоко увлекался сам и увлекал других — и в этом, видимо, одна из главных черт его личности. Таким он и остался в памяти тех, кому довелось с ним работать.